

Александр Мещеряков

Японский император и русский царь: телесные функции

Художник Сергей Ягузинский.
Из фондов РГБ.

Александр Николаевич Мещеряков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных культур РГГУ.

Сопоставительные исследования Японии и России не пользуются особой популярностью. Видимо, потому, что слишком разный исторический путь прошли культуры этих стран. А уж сравнительного анализа в области политической культуры нет совсем. Но мне кажется, что такое сравнение было бы весьма полезным, поскольку «контрастное» сопоставление позволяет лучше понять особенности каждой из культур.

Именно поэтому я и решил на него. В качестве объекта сопоставления я выбрал фигуры японского императора (*тэнно*) и русского царя. Верховных правителей

можно сравнивать в самых разных областях их деятельности. Можно посмотреть их роль в военной сфере. Можно в законодательной. А можно и в религиозной. Но в короткой статье не успеть рассказать обо всём. Для данной публикации я выбрал нетрадиционный аспект монаршей деятельности. Мне показалось, что телесные функции государя (т.е. действия, которые совершаются с помощью отдельных частей тела) дают ключ и ко многим другим «дверям».

Я выбрал для сопоставления хронологически отдалённые периоды японской и русской истории: VIII–X и XV–XVII вв. Выбор этих периодов обусловлен тем, что именно в это время происходит формирование централизованного государства и «имиджа» правителя – того имиджа, который, с определёнными изменениями и модификациями, будет использоваться культурой и в последующее время, дотягиваясь и до сегодняшнего дня. Сопоставительный анализ проводился, в основном, на материале официальных летописей.

Движение

В соответствии с китайской концепцией недеяния (*увэй*) идеалом японского правителя является строительство полити-

ческой системы, которая отлажена таким образом, что требует минимального вмешательства со стороны тэнно. Эта идея была выражена, в частности, в указе Гэммэй (707–715). Обращаясь к своим сановникам, она говорит: «В сердце у вас покой, вы ведёте за собой народ. Слышим Мы это, и сердце Наше наполняется утешительной радостью. И вот полагаем Мы, что раз вы таковы, то при содействии всех чинов сумеете установить для народа Поднебесной мир, а Мы сами повесим одежду [и сложим руки], расстегнём воротник [и сможем благодушеествовать]».

Конфуцианская идея о соотносённости правителя с неподвижной Полярной звездой находит своё практическое выражение в том, что основной вектор развития японских представлений о передвижениях тэнно состоит в том, что с течением времени тэнно теряют функцию перемещения в пространстве, хотя ранее они ею, несомненно, обладали, о чём свидетельствуют ранние записи хроник. Однако после основания столиц в Фудзивара (694–710), Нара (710–784) и, в особенности, Хэйан (794–1867) этот период «кочующего» правителя закончился. Тэнно «классического периода» постоянно пребывает в сакральном центре – дворце, его перемещения сводятся к минимуму. Крас-

Свадебный поезд царя Михаила Фёдоровича.

Из книги: Старикова Л. Москва стародавняя: герои жизни и сцены. – М., 1998.

Похищение японского императора Го-Сирокава в 1159 г., предпринятое Фудзивара-но Нобуэри. История человечества. – СПб; б.г. – Т. II.

норечивым подтверждением этому служат «высочайшие выезды» (*миюки*), совершаемые тэнно. Среднегодовое их количество, фиксируемое хроникой «Сёкунихонги», составляет всего 1,6 (152 сообщения за 95 лет). При этом под миюки понимается любой случай оставления правителем дворца, включая «прогулку» по столице. Передвижение тэнно осуществляется, как правило, в паланкине; пешее или же конное передвижение ему противопоказано. Средневековый исторический памятник «Окагами» рассказывает об императоре Кадзан, который любил лошадей и вознамерился однажды сесть в седло. Мало того, что сопровождавшие Кадзана люди не позволили ему сделать это, министр Минамото Тосиката отреагировал так: «Нельзя не признать, что монах-император (к этому времени Кадзан отрёкся от трона и принял постриг) Кадзан болен душевно, его болезнь хуже, нежели у монаха-императора Рэйдзэй».

Основными целями миюки является установление контактов с региональными элитами и посещение буддийских храмов. Случаи миюки были настолько редки, что обычно сопровождалась достаточно масштабными поощрительными мероприятиями по отношению к свите, местным элитам и населению: повышение в рангах, подарки, послабление в налогах. Описание подготовки миюки (назначение сопровождающих) напоминает подготовку русского царя к военному походу. Ослабление функции движения тэнно заметно даже в его пе-

редвижениях по дворцу. Если в VIII в. он покидал пределы своих внутренних покоев (*дайри*) для участия в придворных церемониях, то в начале IX в. его встречи с высокопоставленными чиновниками происходят в его внутренних покоях (ранее вход туда им был запрещён), многие придворные церемонии (как и проводимое на буддийский лад отпевание) происходят там же.

На Руси перемещения в пространстве являются одной из основных функциональных характеристик царя (точно так же, как и его подданных). Само понятие государственной службы ассоциируется прежде всего с движением: «...и крест государю целовали на том, что им со всею землёю Черкасскою служити государю до своего живота: куды их государь пошлёт на службу, туды им ходити». И недаром поэтому, согласно «Никоновской летописи», чудесным признаком рождения Ивана IV является его движение в утробе матери: «...ещё бо отрочя в чреве матерни движашеся, варваром же иноплемёнником и супостатным ратником стремления на царство их низлагашеся...», что служит указанием на невероятную активность будущего царя на троне. Новгородская же летопись превозносит Ивана IV почти эпическим образом, не забывая отметить его «звериную» способность к передвижению: «И наречеса царь и великий князь всея Великие России, самодержец великий показался и страх его обдержасе вся языческаия страны, и бысть вельми премудр и храбросерд, и крепко-

рук, и силен телом и лёгок ногами аки пардус...». Эта функция является наследием более раннего времени, когда князь и его дружина вели полукочевой образ жизни, и не изживается окончательно в царский период. К концу московского периода безусловно заметно сокращение двигательной активности царя, но она вновь актуализируется в правление Петра I. «Всю жизнь в дороге, умер в Таганроге» – так аттестовали Александра I. Подобная характеристика тэнно представляется немислимой.

Перемещения царя во взрослой жизни связаны прежде всего с его функцией верховного главнокомандующего и верного адепта православия. Все без исключения русские цари (включая слабоумного и слабосильного Фёдора Ивановича) время от времени прибывают на театр военных действий для руководства войском, причём вполне обычным является и царское восседание на коня: «И вступает государь в бранное стремя и восходит на конь свой и поскорю поиде х полку своему к граду». Непременность такого «вождества» наследуется от более ранних «дружинных» времён (сохраняется вплоть до падения монархического режима – см., например, посещения Николаем II театра военных действий во время Первой мировой войны). Кроме военных походов, цари совершают частые выезды, временами весьма длительные (в правление Алексея Михайловича – до 12 дней, однако обычными были выезды на 1–3 дня) за пределы Кремля и столицы и с мирными целями. Иван IV совершал и более длительные выезды на богомолье. «Степенная книга», например, фиксирует маршрут, проходивший через Троице-Сергиев монастырь, Калязин, Ферапонтов монастырь, Ярославль, Ростов. Эти выезды связаны, в основном, с богомольем, охотами, посещением подмосковных дворцовых сёл, причём в источниках достаточно часто встречаются сообщения, конкретизирующие способ передвижения (пешком, верхами, в возке или же «водяным путём»). «Записные книги» зачастую фиксируют несколько выходов царя за один день (в особенности это касается посещения Алексеем Михайловичем церковных служб, причём может отмечаться даже путь царя от жилых покоев до кремлёвского же храма), хождение за иконами и крестом, поездки для участия в церемониях освящения церквей.

Традиционная для России значимость акта царского (княжеского) путешествия закрепляется и в происхождении таких важнейших чинов, как конюший и окольныйчий

Портрет царя Ивана Грозного. ГИМ. – Орёл и лев. Россия и Швеция в XVII в. Каталог выставки. – М., 2001 г.

(от «околичность двора» – должность предполагала обязанность по заботе о нуждах царя во время нахождения в пути). Вместе с тем необходимо отметить, что царь не путешествует по стране с целями инспекций гражданских дел на местах или же для установления (поддержания) контактов с местными элитами (если не включать в её состав служителей церкви) – это было ниже его достоинства: любой подданный обязан был являться ко двору по первому зову государя. Характеристика верховного правителя через функцию движения сохраняет актуальность и на сегодняшний день. Так, В.В. Путин позиционируется его имиджмейкерами в значительной мере именно таким образом (полёт на истребителе, плавание на подводной лодке, катание на горных лыжах и т.п.).

И царь, и тэнно осуществляют контроль за передвижением своих подданных. При этом, как это явствует из летописных источников, царь контролирует как передвижение в направлении к себе (приказ явиться – «указал быти»), так и от себя («отпустил» – приказ прибыть туда-то и туда-то с определёнными целями). Что касается тэнно, то его приказания явиться к себе достаточно редки, а повеления о посылке подданных к определённому месту – более частотны. Эти повеления связаны с приношением божествам, назначением чиновников и инспекторов в провинции.

Мы полагаем, что приведённые данные свидетельствуют о существенных

Зрение и слух

Дзимму – согласно мифологическим сводам «Кодзики» и «Нихон сёки», первый японский император.

различиях в теории и практике управления. Во-первых, управление в Японии обладало более организованным и регулярным характером, при котором явка к тэнно носит, по преимуществу, плановый характер и потому не регистрируется летописью. Во-вторых, количество лиц, которые могли быть допущены непосредственно к тэнно, было весьма ограниченным. В-третьих, в силу того, что тэнно обладал меньшими распорядительными полномочиями, чем царь, летописный имидж царя также отражал это положение. В то же время приказание явиться к себе, видимо, имело для царя принципиальный характер, ибо путешествие великого князя в Орду было одним из наиболее зримых и унижительных символов зависимости (власть над движением к себе является более сильной по сравнению с приказом двигаться от себя). Русские цари особо ценили (во всяком случае, подсознательно) свою власть распоряжаться движением подданных по отношению к Центру – одним из самых ужасных преступлений они считали намерение «отъехать» (в Японии, в силу её географического положения и исторической ситуации, такое намерение было, как показывает реальная историческая практика, абсолютно невозможно – источники не фиксируют ни одного случая бегства высокопоставленного лица за пределы архипелага).

В японском описании функции зрения уделяется повышенное внимание (это касается как текстов официальных, так и художественных). Так, герой повествования постоянно «видит» происходящее (не «случилось то-то и то-то», а «герой увидел, что случилось то-то и то-то»). В ранних официальных источниках тэнно предстаёт вполне «зрячим» и в этом смысле ничем не отличается от обычного человека – его присутствие в месте действия является вполне обычным. Важнейшим обрядом, который совершает тэнно, является ритуал «осматривания страны» (*куними*), смысл которого заключается в «присвоении» взглядом взойшедшего на священную гору правителя подведомственной ему территории. И в этом смысле тэнно предстаёт «сверхзрячим».

Право и обязанность тэнно – видеть всё, что происходит в универсуме, но его (в пределе) не может видеть никто, кроме самых приближённых. Судя по всему, это очень давняя традиция. Запрет (ограничение) на лицезрение тэнно в значительной степени сохранялся и позднее. Во время такого редкого для тэнно передвижения пешком он ограждается занавесками. На одной из главных государственных церемоний – поздравлении тэнно с началом нового года (она называлась «лицезрение государя» – *микадо огами*) – могли присутствовать только чиновники 5-го ранга и выше, что составляет разительный контраст с Китаем, где на новогодней церемонии присутствовали «представители» со всей страны. Кроме того, изобразительный материал более позднего времени позволяет говорить о том, что на самом-то деле никакого «лицезрения» не было, поскольку тэнно пребывал в помещении, а придворные выстраивались за его пределами (т.е. он мог видеть их, а они его – нет). Китайская хроника «Суй-шу» в записях за 600 г. приводит слова японского посла о том, что правитель страны Ва (Ямато) усаживается на трон ночью, а утром покидает его, что было сочтено за весьма странный обычай, который должен быть исправлен. Нам, однако, представляется, что речь идёт прежде всего о запрете видеть правителя, а самому правителю – смотреть на солнце. Согласно мифологическо-летописному своду «Нихон сёки», первопраритель Дзимму так объясняет постигнувшее его временное поражение при покорении восточных земель: «Я – дитя Небесных богов, а сражаюсь с врагом, обратившись к солнцу. Это противоречит Пути Неба. Лучше я повернусь и отступлю,

покажу, что я слаб, восславлю богов Неба, богов Земли, со спины мне божество Солнца силу придаст, буду нападать, на собственную тень ступая. Тогда, и не обагрив меч кровью, я непременно одержу победу над врагом». В связи с запретом смотреть на тэнно, он, похоже, должен был постоянно носить головной убор или же скрываться под его разновидностью – зонтом. Отсутствие традиции портретирования тэнно, по видимому, также следует объяснить запретом на его видение (напомним, что в синто отсутствуют изображения божеств).

С течением времени в восприятии (описании) тэнно происходят значительные изменения. Они не касаются ограничений на лицезрение тэнно, но, начиная приблизительно с VIII в., тэнно практически никогда ничего «не видит» сам. То есть взгляд тэнно перестаёт устанавливать достоверность происходящего. В значительной степени это связано, вероятно, с тем что сам он теряет функцию движения и (в тенденции) всегда пребывает в сакральном центре – дворце. Кроме того, усложнившаяся система управления ставила между тэнно и социумом посредников в лице соответствующих должностных лиц, так что вся чиновничья пирамида представляла собой скорее иерархию «слушающих», чем «видящих». И находившийся на вершине этой пирамиды тэнно видел меньше всех остальных. В связи с этим вместо «утраченного» зрения особое развитие получает у тэн-

но слух. Высочайшие указы очень часто начинаются таким образом: «Услышали Мы, что...». То есть указ, имеющий, на первый взгляд, форму монолога, является на самом деле формой диалога, в котором излагаются слова обоих его участников.

К царю мало применим глагол «слушания», во всяком случае, официальные источники не акцентируют эту функцию его поведения, ибо такой модус поведения предполагает некоторую форму диалога, т.е. наличие обратной связи, идея которой, судя по всему, была чужда имиджу царя. Царь выслушивает церковную службу («литургию», «понахиды»), т.е. это такое слушание, которое не предполагает собеседника. В крайнем случае он выслушивает советы иерархов, но другие его подданные предстают при нём как бы почти безгласными. Они задействованы в политической «массовке», их роль – оттенить единственно правильное мнение, исходящее от царя. Царь выслушивает не столько советы, сколько донесения (в основном от гонцов с полей сражений и послов), на основе которых он принимает решение. Отсутствие (ослабленность) функции слушания как составной части диалога отражает более общую ситуацию российского способа управления, которая представляет собой систему с ослабленной обратной связью. Эта обратная связь проявляется по преимуществу в условиях жесточайших кризисов власти.

Празднование Вербного воскресенья в Москве.

Из книги: Майерберг А. *Виды и бытовые картины России XVIII в.* – СПб., 1903.

В условиях малой разработанности такой связи в обычной жизни она принимает свою наиболее раннюю, «примитивную» форму – выслушивание царём мнения «народа» в случае прямой апелляции к нему.

Царь видит и видим, хотя это происходит и не каждый день. Подданные имеют возможность наблюдать царя в особых случаях, хотя специальных запретов на его лицезрение, похоже, не существовало. Повествуя о победоносном возвращении Ивана IV после окончания казанской кампании, составитель «Степенной книги» отмечает: «И все велико благодарение Богу воздаваху и царю, яко победителю, дары и благодарение приношаху; и вси паче солнечного сияния просвещахуся радостию, насыщахуся царского зренья». Само лицезрение царя, считают составители летописи, способно поднять воинский дух его полков. Подданные имеют возможность видеть царя и во время наиболее значительных праздников. Более того, лицезрение царя, даже на значительном расстоянии, ассоциировалось с возможностью исполнения желаний. Описывая празднование Нового года, происходившее на кремлёвской площади, Адам Олеарий отмечал: «Тут же стояло бесчисленное количество русских, державших вверх свои прошения. Со многими криками бросали они эти прошения в сторону великого князя: потом прошения эти собирались и уносились в покои его царского величества».

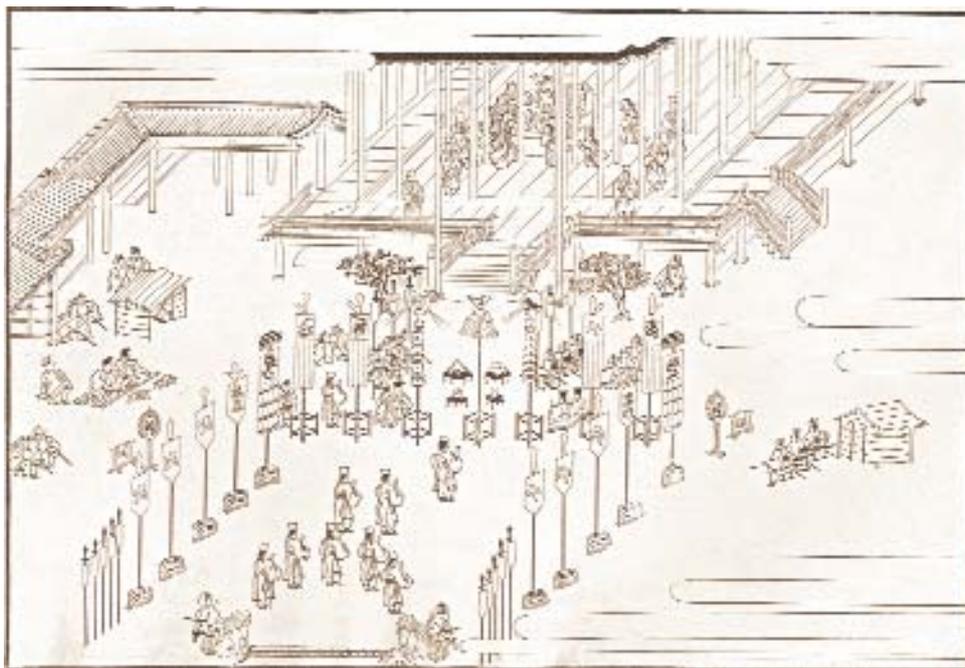
Речь

Коммуникация является основным свойством, обязанностью и «профессией» правителя. Это утверждение носит, по всей вероятности, универсальный характер. Вопрос состоит в том, с кем общается правитель и в каких формах протекает этот коммуникативный процесс.

Основной формой, в которой реализуется речевая деятельность тэнно, являются его указы. Эти указы бывают как устными, так и письменными, но количество письменных указов, безусловно, превалирует, что говорит об общей ориентированности японской политической культуры на управление с использованием письменного канала информации. При этом обычным для записей хроник является приведение текста указа полностью, т.е. цитирование. Многие указы тэнно являются юридическими документами, они не имеют строго ограниченного во времени и пространстве ситуативного характера, направлены на изменение базового законодательства, предназначаются для того, чтобы все чиновники руководствовались ими в своей повседневной деятельности, в связи с чем эти указы сводятся затем в особые сборники, дополняющие основной корпус законов.

Как ни странно, но, согласно официальным источникам, функция прямой речи у царя выявлена слабо. Царь часто от-

Церемония восхождения японского императора на престол.

Сакрализация правителя

Шапка Мономаха. Конец XIII – нач XIV в.
Государственная Оружейная палата.

даёт различные распоряжения, но обычно они принимают в летописи форму косвенной речи, поскольку имеют сугубо ситуативный и ограниченный во времени характер (например, такому-то явиться туда-то, сделать то-то).

Царские указы фиксировались в указах в книгах, которые составлялись в центральных и местных учреждениях. Многие из указов были обращены к совершенно конкретным адресатам и не имели общегосударственного значения, были предназначены в качестве справочного материала, в основном, для конкретного лица или учреждения. В связи с этим они отсутствуют и в летописях. Передача распоряжений царя по преимуществу в форме косвенной речи свидетельствует, что для имиджа царя явно не слишком важна форма (стиль) его обращённой к подданным речи (летописца волнует по преимуществу только сам факт приказа), что ещё раз подтверждает его ограниченные потенции культурного героя. Вместе с тем летописи охотно приводят переписку царя с высшими церковными иерархами и записи его молитв, что указывает на идеального (в пределе – единственно возможного) контрагента царя по диалогу. Это мог быть или сам Бог, или же те профессионалы («богомольцы»), которые были ответственны за осуществление коммуникации с Ним. Остальные исторические агенты, за исключением, может быть, монархов других стран, считались мало достойными для того, чтобы вступить в диалог с царём.

Вряд ли нужно еще раз повторять, что верховный правитель – фигура по определению сакральная. Японская и русская традиции не являются в этом смысле исключением (если таковые вообще возможны). Однако формы и методы сакрализации в разных культурах весьма отличаются друг от друга, что обусловлено реальным соотношением политических сил, которые используют в своих целях имеющиеся в культуре дефиниции (культурную «предрасположенность» к тем или иным дефинициям).

Самое непосредственное влияние на процесс сакрализации монарха оказывают господствующие в данной культуре представления о божестве (божествах) и божественном, поскольку в любой культуре сакрализация правителя идёт в значительной степени по пути уподобления его божеству («тленный бог», «живой бог», «явленный бог», «земной бог»).

Уместно заметить, что божество (*ками*) синто – это существо, которое по своим сверхъестественным потенциям отнюдь не равняется всемогущему богу монотеистической религии.

И.Е. Репин. Портрет Николая II.
Русский стиль. Каталог ГИМ. – М., 1998 г.

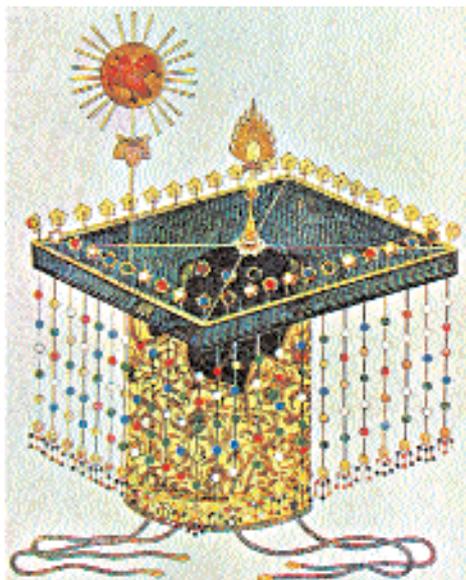
ческого (христианского) типа. Это божество является локальным (т.е. его власть распространяется на строго ограниченную территорию); его почитают только члены кровнородственной (или псевдородственной) общины, которая имеет потенциальную возможность расширяться только до размеров населения страны (в связи с этим в деятельности тэнно ослаблен такой присутствующий всем мировым религиям мотив, как императивное приобщение «неверных» к «истинной» религии¹). Кроме того, божество-ками не является всеблагим.

Сакрализация тэнно происходила в значительной степени за счёт минимизации его публичных и физиологических функций (в соответствии с концепцией недеяния), что выводило его за пределы «зрения» подданных, за пределы шкалы этических оценок. Это была своего рода неподсудность, но она достигалась не столько за счёт того, что никакое действие тэнно не подлежит суду, а за счёт того, что он (в пределе) не производил никаких произвольных действий, которые могли бы быть оценены. Одной из основных характеристик тэнно было пребывание в сакральном центре (столице, дворце), т.е. его

Японский император Тайсё (1912–1926).

// весна 2003 //

Корона древнеяпонского императора с изображением солнца и мифологической птицы Судзаку.

пространственный статус оставался неизменным. В этом центре он осуществлял по преимуществу речевую функцию. Тэнно участвовал в ритуалах, в некоторых из них он был основным исполнителем, но число соучастников ритуала в лучшем случае ограничивалось высшим чиновничеством.

Процесс выведения тэнно за пределы возможной критики хорошо виден на примере такой важнейшей категории, как «добродетельность» (яп. *току*, кит. *дэ*). Если в указах VIII в. (особенно первой его половины) сетования на недостаток добродетельности являются общим местом (т.е. сам тэнно ставит себя в поле возможных критических оценок), то с течением времени количество сообщений, в которых обсуждается току правителя, сокращается. Это связано с тем, что тэнно стал выводиться из того этического поля, где была возможна его критика, поскольку стало ясно, что вся китайская политическо-историческая система «мандата Неба», основным содержанием которой является объяснение причин смены несправедливой (утерявшей току)

¹ Безусловным исключением является экспансионистская деятельность японской политической элиты в конце XIX – первой половине XX в., сопровождавшаяся, в частности, строительством синтоистских святилищ на завоёванных территориях, что объясняется восприятием европейской модели экспансии. Традиционный же способ культурного воздействия может быть назван «методом абсорбции», когда приветствуется переселение иноземцев в Японию (корейцы и китайцы, переселившиеся в силу разных обстоятельств в Японию в VII–VIII вв., назывались кикадзин, что может быть истолковано как «люди, обратившиеся к культуре, которой обладает тэнно»), но никаких целенаправленных силовых усилий, продиктованных религиозными мотивами, в этом отношении не предпринималось.

Царь Алексей Михайлович.
Из книги: Старикова Л. Москва стародавняя:
герои жизни и сцены. – М., 1998.

династии, в корне противоречит местной установке на преемственность, провоцирует социальное напряжение.

Усекновение публичных функций тэнно было настолько радикальным, что мы не имеем практически никаких данных для реконструкции народных представлений о тэнно. «Нежелание» и невозможность культуры обсуждать личности тэнно и давать им оценки чувствуется и в настоящее время. «Дзинбуцу сосё» («Собрание рассказов о выдающихся людях») – аналог отечественной серии «Жизнь замечательных людей» – насчитывает в настоящее время более двухсот томов. И только два из них посвящены тэнно. Причём оба повествуют о правителях глубокой древности – Дзито (690–697) и Камму (781–806).

Что касается русского царя, то в его деятельности и её осмыслении на первое место выступает активная, мироустроительная энергия всемогущего христианского единого Бога, который истолковывается властью как объект безоглядного повиновения, как полновластный верховный управитель всех земных дел, как сущность, неподотчётная своей пастве и подданным (при этом, несмотря на все ухищрения идеологов, царь не предстаёт в качестве чудотворца, поскольку он был изначально лишён жреческого начала; церковная канонизация князя или царя также не свойственна русской традиции). На такое понимание накладываются римско-византийские представления об абсолютной

власти императора (цезаря, василевса), а также ранние русские представления о военном лидере – князе, который лишён сколько-нибудь упорядоченного аппарата, в связи с чем он вынужден заниматься всеми делами сам. При этом главной функцией царя остаётся военная. Он – глава армии, завоеватель (собиратель) и защитник (земли русской, православной церкви и православной веры). Недостаточная дееспособность правителя (будь это «настоящий», «природный» монарх или же квазимонарх советского типа вождества) в военной области приводила к серьёзнейшим политическим кризисам, служила предвестником внутренних реформ (польская интервенция начала XVI в., Крымская война, русско-японская война, Первая мировая война, война в Афганистане), а победа откладывала реформы на срок, который отделяет победу от поражения.

Русский царь на страницах летописи выступает гораздо более деятельным, чем тэнно, что находит своё отражение в том списке действий, которые он сам выполняет. Мы уже говорили о функции движения. Кроме того, можно указать также на раздачу милостыни собственными руками, собственноручное водружение креста на месте будущей церкви, пожалование подарков, допускание «к руке», припадание к образам, скрепление документов печатью, угощение из собственных рук, приём пищи, «вседание на конь» и т.д.

Что касается тэнно, то нам неизвестны действия, которые он осуществляет собственными руками. И потому в Японии немислим верховный правитель, подобный Петру I, который гордится своим умением работать руками и может быть рассматриваем как «мастер-золотые руки».

Приобретение царём особой харизмы в результате интронизации может истолковываться (тем же самым Иваном Грозным) как полная неподотчётность и произвол. При таком типе управления «народ», его реальное положение, становится предметом объективации для верховной власти лишь в минимальной степени, поскольку самодержавная форма правления почти лишена обратной связи – внутренние, не сопровождаемые внешними, потрясения остаются, как правило, без особого внимания. Официальные летописи отражают это положение в полной мере – не существует (по крайней мере в тенденции) таких сюжетов, где бы не фигурировал царь (в основном – в качестве главного действующего лица). То есть ни одному событию невозможно произойти (быть зафиксирова-

ному), если оно не имеет никакого непосредственного отношения к царю. Несмотря на то, что японские летописи также в значительной степени фокусируются на тэнно, всё-таки есть и достаточное количество сообщений, где тэнно не фигурирует. В этом смысле русская летопись соответствует биографии царя, японская же в большей степени – истории страны.

Однако в такой ситуации, когда царь именуется богом («земной бог», «тленный бог»), а бог – царём («нетленный царь»), было заключено органическое противоречие. Поскольку царь производит определённые действия, мыслится как единственный источник порядка, поскольку он отдаёт бесчисленные распоряжения, они могут подвергаться критике, т.е. царь не воспринимается безгрешным и выступает как объект этических оценок, несмотря на все старания официальной идеологии, что говорит об ограниченных возможностях института царской власти. В России оппозиционные движения, имеющие своей целью поставление «правильного» царя (т.е. свержение царя «неправильного») – в порядке исторических вещей, в Японии же таких движений (как реальных, так и мысленных) практически не наблюдается. То есть получается, что хотя царь обладал намного более обширными, чем тэнно, распорядительными

полномочиями, авторитет последнего был, несомненно, выше.

Царско-императорский режим, несмотря на его огромные властные полномочия и кажущуюся незыблемость, все-таки рухнул – система без обратной связи либо существует, либо погибает, ибо обладает крайне малыми возможностями для самоподстройки. Рухнули и наследственные режимы сёгунов (Минамото, Асикага, Токугава), активная военная и управленческая деятельность которых (при отсутствии религиозных, «жреческих» оснований) намного больше напоминает русского царя, чем японского тэнно. И, несмотря на кардинальные изменения, произошедшие в политическом устройстве Японии после «обновления Мэйдзи» и поражения во Второй мировой войне, династия тэнно не прервалась, сам институт упразднён не был, а положение тэнно фактически не претерпело принципиальных изменений по сравнению с древностью и средневековьем – он по-прежнему остаётся фигурой глубоко семиотически значимой, и нынешняя конституция страны определяет его в качестве символа страны и народа, сохраняя и реализуя «склеивающие» социальные потенции тэнно.

Статья представляет собой фрагмент готовящейся к печати книги «Японский тэнно и русский царь. Элементная база».

Благословение на царство царя Михаила Фёдоровича. Из фондов РГБ.

В оформлении статьи использованы иллюстрации из книги: Большой словарь императорской фамилии (на яп. яз.). – Токио, 1912.